

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 144–148. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, № 1, pp. 144–148. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1.09"21"

EDN WQOUAY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Галустьян Лаура Суреновна, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, laura.galustyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8421-5556>

Сергеева Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e.vlad.sergeeva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению категории экспрессивности и ее воплощению в литературном языке и художественном тексте. Выделяются экспрессивные лексические единицы, относящиеся к сниженной лексике, в художественных и беллетристических произведениях первой четверти XXI в. (Д. Глуховский «Текст», М. Елизаров «Земля» и Д. Корецкий «Угон»), определяются их функции. При анализе использовались как толковые, так и узкоспециализированные словари (словари аргота, жаргона). Выделены наиболее распространенные функции экспрессивной сниженной лексики в текстах перечисленных произведений: характеристика языковой картины мира героя и автора, «антиэстетической» художественной картины мира автора (авторский замысел) и средство характеристики персонажа. Показательно, что некоторые функции могут в тексте совмещаться, что подтверждают приведенные примеры. Сделан вывод о том, что употребление сниженной экспрессивной лексики в современном художественном тексте демонстрирует как общезыковые процессы, так и приемы создания художественной образности, специфика которой связана со своеобразной «антиэстетичностью».

Ключевые слова: экспрессивность, экспрессема, экспрессив, экспрессивизация, сниженная лексика, жаргонизация, бранная лексика, вульгаризм.

Для цитирования: Галустьян Л.С., Сергеева Е.В. Особенности функционирования экспрессивной сниженной лексики в современных художественных текстах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С. 144–148. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

Research Article

FEATURES OF FUNCTIONING OF EXPRESSIVE REDUCED VOCABULARY IN CONTEMPORARY FICTION TEXTS

Laura S. Galustyan, post-graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, laura.galustyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8421-5556>

Elena V. Sergeeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Language Department, St. Petersburg, Russia, e.vlad.sergeeva@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the consideration of the category of expressiveness and its embodiment in literary language and art text. Expressive lexical units belonging to the reduced lexicon in fiction works of the first quarter of the 21st century (“Text” by Dmitry Glukhovskiy, “Earth” by Mikhail Elizarov and “Hijacking” by Danil Korecki) are singled out and their functions are determined. The analysis is carried out on the material of various lexicographic editions, among which both explanatory dictionaries and highly specialised dictionaries (dictionaries of argot, jargon) are used. The most common functions that were identified in the context of the named works are the following: characterisation of the linguistic picture of the world of the hero and the author, the “anti-aesthetic” artistic picture of the world of the author (author’s intention) and a means of characterisation of the character – speech or author’s when using non- self-directed speech. It is indicative that some functions can be combined in the text, which is confirmed by the examples from contemporary works of fiction given in the article. It is concluded that the use of reduced expressive vocabulary in the modern fiction text demonstrates both general linguistic processes and methods of creating artistic imagery, the specificity of which is associated with a kind of “anti-aesthetic”.

Keywords: expressiveness, expresseme, expressive, expressivisation, reduced vocabulary, jargonisation, profanity, vulgarity.

For citation: Galustyan L.S., Sergeeva E.V. Features of functioning of expressive reduced vocabulary in contemporary fiction texts. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, No. 1, pp. 144–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148>

Цель исследования – выявить и проанализировать единицы, относящиеся к сниженной лексике, в произведениях современной художественной и беллетристической литературы, и определить их функции в романах Д. Глуховского «Текст», М. Елизарова «Земля» и Д. Корецкого «Угон».

Актуальность исследования связана прежде всего с тем, что для лингвистической науки значимо, с одной стороны, рассмотрение семантических и стилистических изменений, происходящих в русском языке начала XXI в. в целом, и, с другой стороны, исследование частотных стилистически маркированных единиц в русском литературном языке и в современном художественном тексте. Актуальность работы обусловлена также тем, что исследование проводится на материале значимых для литературы XXI века произведений.

Практическая значимость рассмотрения подобного материала состоит в возможности применения результатов исследования в практике преподавания лексикологии и стилистики русского языка, филологического анализа текста, современной русской литературы и истории русского литературного языка

Проблема употребления сниженной лексики неразрывно связана с семантической категорией экспрессивности, которая обуславливает выразительность за счет эмоционального или оценочного отношения к феноменам действительности и понимается как совокупность признаков лексической единицы, выступающих в роли средств субъективного выражения отношения говорящего к сказанному или к адресату. Как утверждает Н.А. Лукьянова, «экспрессивность является свойством той или иной лексической единицы, которое связано с представлением субъективных аспектов восприятия человеком действительности (явления окружающего мира, предметы и их признаки, характеристика тех или иных лиц, непосредственно эмоциональное отношение к чему-либо или кому-либо, оценки предмета речи, переживания и чувства говорящих)» [Лукьянова: 183]. По мнению Ш. Балли, экспрессивность – это «эмоциональное восприятие действительности и стремление передать его реципиенту» [Балли: 113]. Репрезентируя субъективные аспекты восприятия языковой личностью действительности, экспрессивность непосредственно связана с представлением о положительном/отрицательном, высоком/низком, прекрасном/безобразном.

Единицы, относящиеся к сниженной лексике, обладают специфической экспрессивностью, поскольку употребление вместо нейтральной номинации друго-

го слова, за которым в языке закреплена стилистическая окраска фамильярности, грубости, просторечия, жаргонности и т. п., усиливают выразительность устного или письменного высказывания, а следовательно, и его персуазивность.

Единицей выражения экспрессивности может быть названа экспрессема, под которой понимается стилистическая единица, способная раскрыть выразительно-конструктивные «приращения» [Костомаров: 160]; в лингвистике используется также термин «экспрессив». Представляется, что эти два термина следует употреблять не как синонимы, а как обозначение различных видов экспрессивных лексических единиц, в целом выполняющих различные функции: экспрессив – экспрессивная единица языка, воплощающая небезразличное отношение адресанта к передаче смысловых оттенков; экспрессема – единица художественного текста, отражающая в художественном дискурсе определенные особенности экспрессива или формирующая в контексте собственное экспрессивное значение.

Развитие современного русского языка связано как с интралингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами. К первым относится прежде всего демократизация языка, его «огрубление», утрата высокой стилистической тональности, приводящая к использованию разговорного вместо нейтрального и так называемого общего жаргона вместо разговорного стиля литературного языка, ко вторым – развитие сетевых коммуникаций и увеличение удельного веса устной формы речи, в том числе и имитационной, связанной с намеренным уподоблением компьютерной коммуникации живой разговорной речи.

Узус все более часто представляется носителем языка категорией более важной, чем норма, а экспрессивность языковых единиц даже в ситуации, где она не обязательна, становится в современной коммуникации узуальной. Экспрессивизация языка проявляется в различных видах текста – от рекламной аннотации до художественного и беллетристического текста. Частным случаем подобной экспрессивизации можно считать феномен, традиционно называемый жаргонизацией речи.

Художественно-беллетристический текст, не являющийся стилем литературного языка, тем не менее можно считать языковым феноменом, отражающим значимые и показательные особенности языка. Невзирая на установку подобного текста (сугубо эстетическую или прагматически-развлекательную), адресат видит в нем как воплощение русской языковой

картины мира (ЯКМ) определенного периода, так и установку автора на употребление экспрессивных единиц в качестве специального художественного средства – экспрессымы.

Сниженная лексика (отличающаяся от нейтральной литературной абсолютно или относительно ненормативной, или «низкой», сферой коммуникации и объединяющая разговорные, просторечные, жаргонные, вульгарные, бранные единицы) обладает яркой экспрессивностью в национальном языке и переносит эту экспрессивность в художественный текст. Наиболее часто это слова с отрицательным аксиологическим модусом, что и определяет специфику их употребления.

Сниженная лексика используется прежде всего в трех функциях:

1) как фактически нейтрализовавшиеся в языке начала XXI в. единицы, демонстрирующие изменения ЯКМ современного носителя языка, что относится как к авторскому тексту, так и к речи героев;

2) с целью характеристики воссоздаваемой виртуальной текстовой реальности – создания «антиэстетической» художественной картины мира (ХКМ);

3) как средство характеристики персонажа – речевой или авторской при использовании несобственно-прямой речи или при передаче точки зрения героя в авторском тексте; при этом персонаж демонстрирует свое отношение к окружающей действительности, дает субъективную оценку реалиям, показывает свое отрицательное, прежде всего презрительное и/или неодобрительное, отношение к кому-либо или к чему-либо.

Показательно, что эти функции в тексте могут совмещаться.

Помимо того, сниженная лексика иногда может переосмысляться, становясь средством положительной характеристики.

Рассмотрим наиболее показательные примеры, представленные в романах М. Елизарова «Земля», Д. Корецкого «Горячий угон» и Д. Глуховского «Текст».

1. Так, в качестве неодобрительной, но почти нейтральной номинации употребляется имеющая в словарях помету «*пренебр.*» лексема *совковый*:

Однажды, застав меня за чтением волковского “Изумрудного города”, уязвлённо произнёс:

– Надо понимать, тебе по душе этот совковский плагиат “Страны Оз”.

– Пап, а что такое плагиат?

– Словарь открой и посмотри! А заодно понятия “эпигон” и “пастиш”.

Нужно заметить, это был чуть ли не единственный случай, когда отец пренебрежительно обозвал нечто советское “совковым” (М. Елизаров).

В другом примере реплика персонажа демонстрирует ЯКМ начала XXI в.: традиционная помета гла-

гола *припёрся* (*груб., прост.*) уже не вполне соответствует современному состоянию русского языка, а в контексте нет указания на отрицательное отношение к адресату и его поведению:

Зря ты, малой, в шортах припёрся. Там наверняка всё в крапиве. Ноги пожжёшь. А на кладбище крапивушка злая, зубастая. (М. Елизаров)

Отрицательный модус нейтрализуется в речи рассказчика и в следующем примере: *В школе я не появлялся около недели. Просто уходил по утрам и шлялся по городу до условного окончания уроков* (М. Елизаров).

Глагол *шляться*, традиционно дефинируемый с пометой *разг.-сниж.* [Ефремова 2000], часто воспринимается в современном русском языке фактически уже просто как разговорный. Подобным же образом используется он в приведенном фрагменте, в котором герой употребляет его по отношению к себе самому.

Следует упомянуть, что рассмотренные лексемы представлены в НКРЯ сотнями примеров прежде всего в нейтральных контекстах, что фактически подтверждает их вхождение если не в нормативный литературный язык, то в узус.

2. С помощью экспрессивной сниженной лексики в современном художественном тексте рисуются картины существования в современной России тяжелого, жестокого и грубого, часто связанного с уголовным миром. Сниженные единицы употребляются и в классическом авторском повествовании, и в несобственно-прямой речи, объединяющей взгляд на мир писателя и его персонажей. Они становятся либо ситуативными маркерами, либо ненейтральными номинативами:

Правда, делают это отнюдь не карманники, не угонщики и даже не белая кость уголовного мира, как бывлые марвихеры, работавшие в железнодорожных вагонах первого класса и резко выделяющиеся среди обычных щипачей, фармазонов, ширмачей и прочей шелупени, которой доходов хватало только на безыскусные пьяные загулы (Д. Корецкий).

Авторский текст насыщен экспрессивной сниженной лексикой: *фармазон*, *ширмач* (уголовный жаргон), *шелупень* (арго), *обжираться* (грубо просторечное). Показательно, что контекст однозначно демонстрирует: приведенный фрагмент воплощает картину мира именно автора, выражающего свое мнение о людях, «занимающих солидные должности».

Спросила, должна ли что-то за памятник и его установку. Раду ответил, что ничего не должна и работу они сделают бесплатно. При этом всё время потирал шею, словно Никита заранее, перед тем как сесть в тюрьму, авансом накостылял ему (М. Елизаров).

Особенности сюжета и обстановки действия определяют то, что в ЯКМ повествователя становятся ча-

стотными вульгаризмы, просторечия, презрительная и бранная лексика, подобная глаголу *накостылять*. Ср.: *накостылять* (вульг.) – «побить, изругать, наказать» [Елистратов 2000].

3. Сниженная лексика часто связана также с традиционной функцией характеристики героя. Наиболее важная составляющая подобной характеристики – характеристика речевая:

– Прикинь, *девка работала в загорском жилкомхозе у начальника управления, потом пресс-секретарем у главы администрации, – Никита обращался больше ко мне, потому что отец, видимо, уже это слышал. – По возрасту ссыкуха ж совсем, в дочке мне годится, но мозги шустрые – дай боже!*. (М. Елизаров)

Употребление лексем *девка* и *ссыкуха* (уничиж., презр.) делают речь виртуальной языковой личности грубой, вульгарной, демонстрируют специфическую языковую картину мира героя, хотя эти лексемы используются без установки на специальную отрицательную характеристику субъекта.

Можно привести и другие показательные примеры.

– Ну, мож, и правильно, – успокоил Никита. – Я вот, помню, бил... Прямо зверел! – лицо его на миг ожесточилось. – А всё равно Кротом называли. И в школе, и в бурсе. Боялись до *уссачки*, уважали, а за глаза дразнили... Вот эти два *кренделя*, ну, которые ушли. Прикинь, на меня работают, а между собой, точно тебе говорю, Кротом называют, *суки* (М. Елизаров).

Приведенный фрагмент весьма показателен. Существительное *уссачка* – ярко окрашенный лексический вульгаризм, относится к арго и даже не фиксируется в НКРЯ. Это слово ярко характеризует и персонажа, и социум, в котором он существует. Аналогично воспринимается бранное слово *суки*. Герой употребляет также слово *крендель*, которое относится к арго (ср. *крендель* – «3. Любый человек (неодобрительно)» [Елистратов 2000]).

И вот теперь Гапон снова на кладбище попёр, первый раз лет семь назад – внаглую. Меня уже в Загорске не было, Валерка подробности рассказывал – целая эпопея. Но его тогда знатно шуганули, хотя следовало грохнуть вместе с Гликманом. Вот... А теперь он в обход решил действовать, через городскую администрацию, и для начала взять на кладбище участок в аренду (М. Елизаров).

Речевая характеристика персонажа предельно выразительна. Приведенной реплики достаточно, чтобы понять, что он некультурен и явно имеет отношение к преступному миру, о чем свидетельствуют глаголы *переть* (разг.-сниж.) и *шугануть* (разг.-сниж) [Елистратов 2000], а также *грохнуть* (угол., мол.) [Елистратов 2000].

4. В современной прозе можно выделить значительное количество примеров, в которых сочетается

представление языковой и художественной картины мира автора и характеристика героя.

*Теперь фонарь осветил его с ног до головы, как софит на сцене в конце спектакля. И конечно, это был вовсе не казначей Моня, а боец Авила – конченный **отморозок с погонялом «Еремей»** (Д. Корецкий).*

Жаргонизмы присутствуют в авторском тексте, однако наблюдает за происходящим персонаж-преступник, и именно его лексикон использует писатель.

*В новостях тоже был надрыв. У всех ведущих были очень озабоченные **ебальники**: мир разваливался на куски. Только Родина еще как-то стояла...*

*Ближе к вечеру пошли ток-шоу. На круглых аренах **кипишили мордастые бакланы** в костюмах, кружили друг вокруг друга, как гладиаторы с **сажалами**, и один раз дошло до форменного **мордобоя**: какой-то злой **штрих фирмача-фармазонищика на калган** взял и **рубильник** ему в юшку **расквасил** (Д. Глуховский).*

Фрагмент текста одновременно воспроизводит ЯКМ автора и персонажа, которому этот автор сочувствует. Употребляется обценная единица *ебальники* (лица). Как писатель, так и его персонаж именно так представляют себе ведущих новостей, испытывают презрение и недоверие к ним. Отрицательное отношение к изображаемому усиливается в авторском повествовательном тексте и далее – употреблением лексики, которую герой усвоил в колонии и которая в приведенном фрагменте весьма частотна: глагол *кипишить* в значении «шуметь, устраивать скандал» и существительные *штрих* (авторитет), *сажала* (нож) употребительны и в молодежном сленге, и в воровском жаргоне; употребляемый как неодобрительная номинация жаргонизм *фармазонищик*; жаргонизм *баклан*, употребляемый с отрицательной оценкой, усиленной в контексте разговорно-сниженным прилагательным *мордастый*; фразеологизм *взять на калган* (ударить головой в лицо или ударить по голове [Мокиенко, Никитина 2001]), лексемы *мордобой* и *рубильник*, словосочетание *в юшку расквасил*.

5. Переосмысление грубо-просторечной, бранной лексики представлено в рассмотренном материале единичными примерами, но сама возможность подобного переосмысления весьма показательна.

В туалете вытряхнул пакетики, размял их, пиикнул дезодорантом даже. Умылся. Посмотрел на себя в зеркало и поймал на том, что не может сдержать улыбку.

– Во пиздобол, а? – хмыкнул он себе (Д. Глуховский).

В контексте бранная, относящаяся к обценной лексике номинация переосмысливается, приобретает значение положительной самохарактеристики персонажа, который чрезвычайно нравится сам себе.

Таким образом, употребление сниженной экспрессивной лексики в художественном тексте демон-

стрирует как общезыковые процессы, так и приемы создания художественной образности, специфика которой связана со своеобразной антиэстетичностью.

Список литературы

Абрашина Е.Н. Сниженная лексика в современных СМИ // Сборник науч. ст. Всерос. с междунар. участием междисциплинар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т.П. Курановой. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 260–265.

Базаров Е.Э., Кuleva A.C., Пестова А.Р., Шестакова Л.Л. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80, № 1. С. 42–61.

Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. Москва: Иностр. лит.-ра, 1961. 392 с.

Глуховский Д. Текст. Москва: АСТ, 2017. 320 с.

Елизаров М. Земля. Москва: АСТ, 2020. 781 с.

Елистратов В.С. Словарь русского аргю. Москва: Русские словари, 2000. 694 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000.

Корецкий Д. Угон. Москва: АСТ, 2021. 352 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 319 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 183–201.

Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 720 с.

Мокшенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: Олма Медиа Групп, 2008. 784 с.

Шестакова Л.Л., Кuleva A.C. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. Москва: Флинта, 2019. С. 818–824.

References

Abrashina E.N. *Snizhennaia leksika v sovremennykh SMI: sbornik nauch. st. Vseros. s mezhdunar. uchastiem mezhdistsiplinar. nauch.-prakt. konf.* [Reduced vocabulary in modern mass media], ed. by T.P. Kuranova. Iaroslavl', Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo Publ., 2019, pp. 260-265. (In Russ.)

Balli Sh. *Frantsuzskaia stilistika* [French stylistics]. Moscow, Inostr. literature Publ., 1961, 392 p. (In Russ.)

Bazarov E.E., Kuleva A.S., Pestova A.R., Shestakova L.L. *Stilisticheski snizhennaia leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniia v upotreblenii prostorechnoi leksiki* [Stylistically reduced vocabulary in a modern explanatory dictionary: changes in the use of simple vocabulary]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriiia literatury i iazyka* [Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Series of literature and language], 2021, vol. 80, No. 1, pp. 42-61. (In Russ.)

Glukhovskii D. *Tekst* [Text]. Moscow, AST Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovovo-slovoobrazovatel'nyi: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation: in 2 vols.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2000. (In Russ.)

Elizarov M. *Zemlia* [Earth]. Moscow, AST Publ., 2020, 781 p. (In Russ.)

Elistratov V.S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argot]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000, 694 p. (In Russ.)

Koretskii D. *Ugon* [Hijacking]. Moscow, AST Publ., 2021, 352 p. (In Russ.)

Kostomarov V.G. *Iazykovoii vkus epokhi. Iz nabludeniia nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the epoch. From Observations on the Speech Practice of Mass Media]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999, 319 p. (In Russ.)

Luk'ianova N.A. *Ekspressivnaia leksika razgovornogo upotrebleniia v semanticheskom aspekte* [Expressive lexicon of colloquial usage in semantic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia, filologiiia* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2015, vol. 14, iss. 9: Filologiiia, pp. 183-201. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [Big Dictionary of Russian Jargon]. St. Petersburg, Norint Publ., 2001, 720 p. (In Russ.)

Mokienko V.M., Nikitina T.G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok*. [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2008, 784 p. (In Russ.)

Shestakova L.L., Kuleva A.S. *Povyshenie stilisticheskogo statusa snizhennoi leksiki i ego otrazhenie v tolkovom slovare* [Increase of stylistic status of reduced vocabulary and its reflection in the explanatory dictionary]. *Nastoiashchee i budushchee stilistiki: sb. nauch. st.* [Present and future of stylistics: collection of scientific articles], ed. by N.I. Klushina, S.F. Barysheva. Moscow, Flinta Publ., 2019, pp. 818-824. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.